

Научная статья. Политические науки

УДК 327

DOI: 10.31696/2072-8271-2023-3-2-59-071-083

ИНСТРУМЕНТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ ДО И ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ COVID-19: ОПЫТ ЕС, АСЕАН И ЕАЭС

И.А. СТРЕЛЬНИКОВА ¹, О.А. ХАРИНА ²

^{1,2} НИУ ВШЭ, Москва, Россия

¹ istrelnikova@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9097-0753>

² oa.kharina@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6782-451X>

Аннотация: В статье сквозь призму теоретических основ школы политического неолиберализма и инструментального подхода к анализу политических процессов рассмотрены ключевые вопросы, связанные с концепцией «стрессоустойчивости». Обобщены основные инструменты обеспечения стрессоустойчивости в рамках ЕС, АСЕАН и ЕАЭС с акцентом на период пандемии COVID-19, выделены основные проблемы ее обеспечения, определены инструментальные аспекты сквозь призму опыта этих международных акторов. Представлены выводы относительно основных сложностей концептуализации этого явления, необходимости осмысления практического опыта региональных диалоговых площадок. С точки зрения авторов, полученные к настоящему времени эмпирические данные носят разрозненный характер и не обрели критической массы, необходимой для глубоких выводов и обобщающих оценок. Однако это лишь повышает актуальность, практическую значимость и научную новизну настоящего исследования, авторы которого обратились к теме, до сих пор не являвшейся предметом комплексного изучения и последующей концептуализации.

Ключевые слова: АСЕАН, ЕС, ЕАЭС стрессоустойчивость, механизмы реагирования, международные институты, COVID-19, международное право

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-28-01174)

Для цитирования: Стрельникова И.А. Харина О.А. Инструменты обеспечения стрессоустойчивости до и во время пандемии COVID-19: опыт ЕС, АСЕАН и ЕАЭС // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2023, Том 3, № 2 (59). С. 71–83. DOI: 10.31696/2072-8271-2023-3-2-59-071-083

Original article. Political science

RESILIENCE INSTRUMENTS BEFORE AND DURING THE COVID-19 PANDEMIC: EVIDENCE FROM THE EU, ASEAN AND THE EAEU

Irina A. STRELNIKOVA¹, Olga A. KHARINA²

^{1,2} HSE University, Moscow, Russia

¹ istrelnikova@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9097-0753>

² oa.kharina@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6782-451X>

Abstract: The article analyzes the key issues related to the concept of resilience through the prism of the theoretical foundations of the school of political neoliberalism and an instrumental approach to political processes. Main resilience-related instruments in the policies of the EU, ASEAN and EAEU with an emphasis on the COVID-19 pandemic period are summarized, major issues in maintaining resilience are explored, instrumental resilience-related aspects in the experience of those international actors are scrutinized. Assessments on main difficulties in the conceptualization of resilience, as well as relevant to the experience of regional dialogue platforms, are carried out. The authors argue that the empirical data obtained so far are fragmented and insufficient for insightful conclusions and assessments. This factor, however, increases relevance, practical significance and academic novelty of the research, as its authors have attempted to explore a topic that has not been in the focus of comprehensive research and the subsequent conceptualization.

Keywords: ASEAN, EU, EAEU, resilience, response mechanisms, international institutions, COVID-19, international law

Acknowledgments: *The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (project No. 22-28-01174)*

For citation: Strelnikova I.A., Kharina O.A. Resilience Instruments before and during the COVID-19 Pandemic: Evidence from the EU, ASEAN and the EAEU. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2023, T. 3, № 2 (59). Pp. 71–83. DOI: 10.31696/2072-8271-2023-3-2-59-071-083

В последнее время в дискуссиях экспертов-политологов, в том числе изучающих международные отношения, набирает популярность новый термин – «стрессоустойчивость». Для обращения к этому термину, теоретических и практических аспектов его осмысления, есть серьезные основания: энтропия современных международных отношений, дисфункция институтов управления и регулирования, одновременная эскалация традиционных и нетрадиционных угроз безопасности.

Теоретические разработки концепции стрессоустойчивости, и это особенно заметно на примере социальных наук, опираются на неолиберализм как направление общественной мысли. Эти наработки объединяют четыре момента¹. Во-первых, стрессоустойчивость рассматривается как качество, присущее любой системе. Во-вторых, устойчивость носит аналитический характер и не имеет нормативных коннотаций. В-третьих, вызовы и угрозы, а также ресурсы для борьбы с ними, всегда составляют одну систему. Стрессоустойчивость – это реакция системы на внутреннюю нестабильность, перегруппировка ее элементов для достижения баланса либо в предыдущей, либо в новой точке движения. Помимо систем как таковых, стрессоустойчивость и сопутствующие ей процессы существуют на их различных уровнях этих систем.

Но эти положения носят общий характер. Для глубокого и нюансированного осмысления понятия «стрессоустойчивость» необходимо обращение к практическим кейсам. В настоящей статье речь пойдет о ЕС, АСЕАН и ЕАЭС.

Европейский ракурс

Европейский Союз (ЕС) является крупнейшим интегрированным экономическим и торговым блоком в мире и занимает первое место по масштабам инвестиционного сотрудничества². Таким образом, сохраняя позиции влиятельного актора мировой экономики, ЕС является одной из самых открытых экономик мира. В начале интеграционного процесса в качестве основного инструмента предусматривался общий рынок, сформированный в рамках Таможенного союза, а передача денежно-кредитной и курсовой политики в единый институт потребовала порядка тридцати лет. Параллельно с созданием Единого рынка, были активизированы усилия по созданию Экономического и валютного союза (ЭВС). Такой союз можно определить как экономическую структуру, страны-участницы которой предусматривают координацию своей экономической, фискальной и курсовой политики, а также введение единой валюты. На сегодняшний день слабость политической поддержки, различия в экономических приоритетах, кризисы и нестабильность на международных рынках стали основными препятствиями в процессе создания и углубления ЭВС.

В отчете, опубликованном в 2017 г., указывалось, что для завершения ЭВС необходимо разработать три ключевых направления³:

Во-первых, необходимо создание эффективного финансового союза. В этом контексте целесообразно принять меры для завершения

оформления банковского союза, снижения и распределения рисков в банковском секторе, а также повышения устойчивости банков.

Во-вторых, важную роль играет развитие взаимосвязей между участниками такого союза: сближение с более устойчивыми экономическими и социальными структурами в странах-членах приобретает большое значение. В этом контексте страны-участницы могут дополнительно укрепить существующие инструменты финансовой поддержки структурных реформ.

В-третьих, целесообразно обеспечить надлежащее институциональное сопровождение такой политики, для чего должна создана надлежащая правовая база. Это может осуществляться в форме договоров ЕС, межправительственного подхода или, как это происходит в настоящее время, их сочетания.

В сентябре 2015 г. Комиссия приняла «План действий по созданию Союза рынков капитала»⁴. Доступ к капиталу должен быть обеспечен всем компаниям и инфраструктурным проектам. Также в приоритете – поддержка занятости, новые возможности инвестирования, развитие конкуренции и повышение устойчивости финансовой системы. Это подталкивает к выводу, что до начала пандемии COVID-19 ЕС отдавал приоритет экономическим инструментам повышения собственной стрессоустойчивости.

Кризис, вызванный пандемией, подтолкнул ЕС к активизации усилий по развитию инструментов стрессоустойчивости. Согласно докладу, подготовленному Исследовательской службой Европарламента совместно с Генеральным директоратом по внутренней и внешней политике⁵, существует шестьдесят шесть потенциальных структурных рисков, с которыми Европа может столкнуться в ближайшие десять лет. В этом исследовании определяются приоритеты для повышения устойчивости системы Союза на основе собственных решений и рекомендаций Европейского парламента, сделанных внешними экспертами и заинтересованными сторонами, а также другими институтами ЕС. Реагируя на такую ситуацию, Евросоюз реализует множество проектов в различных сферах, включая кибербезопасность, инвестиции в высокотехнологичные компании и иных, для повышения стрессоустойчивости своих стран-участниц.

Пандемия COVID-19 привела к серьезным социально-экономическим последствиям, в том числе для государств ЕС. Несмотря на оперативное принятие комплексных мер, в 2020 г. экономика ЕС сократилась на 6,1%, а экономика еврозоны — на 6,6%⁶. Помимо последствий собственно пандемии страны ЕС сталкиваются с рас-

тущей безработицей и нехваткой наличности, что вызывает обеспокоенность корпоративного сектора. Это объективно подталкивает структуры ЕС искать эффективные решения повышения стрессоустойчивости в новых международных реалиях.

АСЕАН и нарратив о стрессоустойчивости

Для Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) вопрос о повышении собственной стрессоустойчивости является исключительно важным. Со времени своего возникновения Ассоциация сталкивалась с постоянным внешним давлением. «Проверок на прочность» у Ассоциации было немало, и в целом, они пройдены успешно. АСЕАН реализует ресурсные проекты экономического регионализма не только в ЮВА, но и на азиатско-тихоокеанском пространстве. Ведомая АСЕАН Многосторонняя инициатива Чианг Май позволило Ассоциации и ее партнерам по АСЕАН+3 купировать уязвимость от внешних финансовых шоков, а вступившее в силу в январе 2022 г. Региональное всеобъемлющее экономическое партнерство (ВРЭП) может оказывать существенное влияние на глобальное экономическое развитие, играя в нем одну из ключевых ролей. Помимо этого, Ассоциация осуществляет функции координатора многостороннего диалога по безопасности на азиатско-тихоокеанском пространстве, представленного Региональным Форумом АСЕАН (АРФ), Совещанием министров обороны АСЕАН и восьми ее партнеров (СМОА+) и Восточноазиатским саммитом (ВАС).

Об уровне стрессоустойчивости Ассоциации дает представление реализация ее трансграничных инициатив на пространстве ЮВА, а также проект Сообщество АСЕАН. Если инициатива АФТА (формирование зоны свободной торговли АСЕАН) было, в общем и целом, успешным (цели, поставленные Ассоциацией на Сингапурском саммите, были достигнуты в начале 2018 г.⁷), то инфраструктурные проекты явно буксовали⁸. В немалой степени это обусловлено слабой инструментальной базой реализации трансграничных инициатив, что затрудняет финансирование. С последним тоже все далеко не просто: по оценкам Азиатского банка развития, на инфраструктурные проекты с 2016 по 2030 год Ассоциации требуется от 2.8 до 3.1 триллиона долларов⁹. Излишне говорить, что страны-участницы АСЕАН не горят желанием финансировать то, что не имеет к ним непосредственного отношения.

Стрессоустойчивость АСЕАН в немалой степени будет определяться тем, в какой мере она сможет превратить Юго-Восточную

Азию в унифицированное пространство осуществления производственной и коммерческой деятельности, привлекательное для внерегиональных компаний. Пока результаты оставляют желать лучшего: АСЕАН остается простой суммой своих стран участниц без «добавленной стоимости» в виде развитого транснационального компонента, будь то институты или нормативная база. Отсюда – отсутствие АСЕАНовских ГЦС на основе совместных производств, торговых сетей или единого пространства услуг (первый кандидат на ГЦС в сфере услуг – туристический сектор). Соответственно, заходя на рынок одной из стран АСЕАН, внерегиональные, равно как АСЕАНовские, компании вынуждены осуществлять длительные и зачастую дорогостоящие процедуры для открытия филиалов в одной или нескольких соседних государствах, а в случае успеха коммерческая отдача нивелируется низким уровнем развития транспортной инфраструктуры.

Результат рассмотренной выше ситуации закономерен: у Ассоциации отсутствуют эффективные ресурсы для поддержания устойчивости своих участников в периоды природных и иных потрясений. Для примера можно взять Восточноазиатский рисовый фонд на случай чрезвычайных ситуаций (East Asia Emergency Rice Reserve)¹⁰. Для его функционирования необходимы как собственно инфраструктурные мощности (хранилища, транспорт и т.д.), так и надлежащая институционально-нормативная поддержка. О степени развитости последней красноречиво говорит тот факт, что до сих пор не прояснен ключевой вопрос: могут ли эти запасы использоваться не только для гуманитарных, но и для коммерческих нужд, и если могут, то на каких условиях.

Ситуацию усугубила пандемия COVID-19. Хотя государства АСЕАН, в общем и целом, справились с ней успешно, пандемия и сопутствующие ей локдауны привели к тому, что были приостановлены мероприятия по развитию одного из ключевых направлений сотрудничества между государствами ЮВА – т.н. «наращивание взаимосвязей» (connectivity). Это направление включает три составляющие: физическую (строительство объектов трансграничной инфраструктуры), институциональную (развитие нормативно-правовой базы) и межчеловеческую (поощрение контактов между людьми). Из всех трех только институциональная взаимосвязанность получила импульс к развитию, однако два других направления естественным образом «просели». Это столь же естественно нанесло урон перспективному плану Ассоциации по превращению ЮВА в унифицированное пространство экономического и делового сотрудничества.

В последнее время стрессоустойчивости АСЕАН обретает новые оттенки. Юго-Восточная Азия становится одним из регионов, где цифровая трансформация коммерческих практик уже сейчас приносит большую коммерческую отдачу. В ЮВА активно развиваются центры хранения и обработки данных, идет цифровая трансформация микро-, малых и средних предприятий, ГЦС, ориентированных на производителя и на потребителя. Это можно было бы приветствовать, если бы не важное обстоятельство: у стран ЮВА нет базовых предпосылок для развития цифровизации – инфраструктуры, программного обеспечения и необходимых компетенций. Это предопределяет зависимость стран ЮВА от внерегиональных игроков, прежде всего – США и Китая, противоречия между которыми все отчетливее смещаются в цифровое пространство.

Попытки Ассоциации как-то смягчить эту проблему пока не увенчались заметным успехом. Принято большое количество инициатив, нацеленных на развитие сотрудничества между государствами «десятки». Заслуживает особого внимания Генеральный план АСЕАН по развитию цифровизации, принятый в 2021 г.¹¹. В этом документе прописаны мероприятия по цифровой трансформации государств ЮВА по восьми направлениям, затрагивающим инфраструктуру, услуги, включая правительственные сервисы, общественные отношения и т.д. Вместе с тем, даже частичная реализация таких планов пока остается проблематичной.

В общем и целом, несмотря на то, что АСЕАН приступила к разработке темы региональной взаимосвязанности в начале 1970-х годов, проблем остается множество. Хотя пандемия и сопутствующие ей процессы, главным образом – цифровая трансформация экономических и коммерческих практик, объективно подтолкнули Ассоциацию к пересмотру и апгрейду инструментов повышения стрессоустойчивости, для реального прогресса на этом направлении ей предстоит еще немало потрудиться.

Стрессоустойчивость в практике ЕАЭС

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) является наиболее успешной попыткой интеграции государств постсоветского пространства. Евразийская интеграция развивалась в контексте углубления экономических связей. В качестве образца сотрудничества был взят опыт ЕС. Приоритет был отдан формированию единого экономического пространства, таможенного союза и экономического сообщества.

До начала пандемии COVID-19 результаты сотрудничества между участниками ЕАЭС носили двойственный характер. С одной стороны, Союз стал площадкой, позволяющей своим участникам выстраивать свою международную политику на принципиально иной, нежели раньше, основе и в качественно ином контексте. С другой – обнаружился объективный «потолок возможностей» ЕАЭС, связанный с однотипной структурой экспорта его стран участниц, сложностью развития общих производственных мощностей, конкуренций, а не комплементарностью их интересов, недостаточными объемами инновационного сотрудничества и неразвитостью единого транспортно-логистического пространства¹². Были у ЕАЭС проблемы и по части сопряжения с Экономическим поясом шелкового пути, которое, фактически, проводилось в двустороннем, а не многостороннем формате.

Пандемия COVID-19 привела к серьезным последствиям для ЕАЭС. По оценке М.Мясниковича, в 2020 г. объем ВВП и промышленного производства государств Союза сократился на 3% и 2,7% соответственно. Причин было множество, но основные заключались как в собственно влиянии пандемии с сопутствующими локдаунами, так и падение рынков углеводородов, а также с последствиями невысоких темпов экономического роста государств Союза в 2014-2019 гг.¹³. Это требовало принятия мер по поиску дополнительных источников экономического роста и обеспечения социальной стабильности.

Важным направлением таких мер стала цифровая сфера. Развитие информационных технологий и процесс цифровой трансформации экономических и общественных отношений между государствами ЕАЭС естественным образом привело к тому, что многие виды деятельности стали осуществляться в цифровом пространстве. Реагируя на такую ситуацию, ЕАЭС уделяет повышенное внимание проектам в сфере цифрового сотрудничества. Один из таковых – унифицированная поисковая система «Работа без границ», стартовавшая 1 июля 2021 г. и представляющая собой агрегатор информации о наличии вакансий и характеристиках соискателей на них, представленной профильными ведомствами государств Союза¹⁴.

Еще один важный проект – цифровое техническое регулирование. Он нацелен на оцифровку стандартов и требований к продукции, а также вопросов, связанных с их установлением, применением и ответствием.

Осуществляется проект по созданию экосистемы цифровых транспортных коридоров ЕАЭС. Такие коридоры позволят обеспечить потребности экономик ЕАЭС в транспортно-логистических и сопут-

ствующих услугах, интегрировать национальных производителей товаров и услуг в трансграничные хозяйственные обмены.

В условиях пандемии COVID-19 ЕАЭС принял ряд мер для преодоления ее последствий. Они были отражены в Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 г., принятой главами государств ЕАЭС в декабре 2020 г. Основные из них нацелены на упрощение ввоза товаров критического импорта, реализацию антикризисных и стабилизационных мер, поощрение промышленной кооперации с использованием цифровых технологий¹⁵. Это свидетельствует о том, что ЕАЭС придает большое значение повышению уровня стрессоустойчивости своих стран-участниц, стимулируя развитие их взаимных хозяйственных связей.

Инструментальная составляющая стрессоустойчивости: взгляд на ЕС, АСЕАН и ЕАЭС

ЕС, АСЕАН и ЕАЭС являются частными примерами региональной интеграции. Самым эффективным из этих объединений (если за основной критерий эффективности брать готовность участников интеграции делегировать часть национальных полномочий наднациональным институтам) является ЕС. Ему принадлежит первенство и в разработке тематики стрессоустойчивости и связанных с ней вопросов.

Первые упоминания об этом понятии в документах Европейского экономического сообщества появились в 1980-е годы, а в 1990-х годов ЕС стал использовать этот термин в отношениях с третьими странами, первоначально в экономической и экологической сферах. В 2006 г. Брюссель поднял вопрос об устойчивости государственных институтов и гражданского общества в развивающихся странах. В 2012 г. Европейская комиссия опубликовала заявление, в котором «стрессоустойчивость» впервые определяется как способность сообщества, страны или региона выдерживать, адаптироваться и быстро восстанавливаться после различных потрясений. Таким образом, использование этого термина в ЕС получило нормативное закрепление.

Причины выбора термина «стрессоустойчивость» обоснованы следующими моментами. Во-первых, ЕС было необходимо найти баланс между нормативной повесткой дня и реалистичными перспективными планами. Во-вторых, это было обусловлено стремлением ЕС примирить две области своей международной деятельности ЕС, в которых этот термин используется в настоящее время, хотя и имеет разные коннотации: политику в области развития и безопасности. Третья причина – непредсказуемость процессов глобального развития и не-

способность органов государственной власти стран ЕС предвидеть и предотвращать опасности. Последняя причина лучше остальных отражает текущие академические дебаты об стрессоустойчивости. Поэтому решающими факторами были опыт и интересы Европейского Союза, а не глубоко укоренившиеся знания о стрессоустойчивости.

В этом контексте Европейская комиссия рассматривает возможность скорректировать существующие правила для финансового сектора, касающиеся стрессоустойчивости применительно к цифровым операциям. Цель очевидна – унифицировать и укрепить правовую базу сотрудничества в этой области. Предлагаемое изменение законодательства внесет поправки в существующую Директиву по сетевой и информационной безопасности и позволит разработать новое положение о цифровой операционной устойчивости, закрепленное в соответствующем законе¹⁶. Новые правила будут распространяться на двадцать типов регулируемых финансовых организаций ЕС, включая относящиеся к финтех-сектору.

Понятие стрессоустойчивости полностью отсутствовало в документе 2003 г. но в Глобальной стратегии ЕС 2016 г. он упоминается не менее сорока раз¹⁷. В этом контексте одним из наиболее ярких различий между Глобальной стратегией ЕС 2016 г. и Европейской стратегией безопасности 2003 г. является повсеместное распространение концепции стрессоустойчивости как нового мотива.

В частности, Евросоюз в Глобальной стратегии внешней политики и политики безопасности (2016 г.) понимает под «стрессоустойчивостью» объединения деятельность его институтов, направленную на устранение противоречий внутри ЕС в пользу внутреннего нормативного единства¹⁸.

Одна из причин, по которой стрессоустойчивость получила столь широкое распространение, в глобальной стратегии ЕС, заключается в том, что она относится к т.н. эталонным объектам: ЕС стремится «усилить стрессоустойчивость инфраструктуры, сетей и услуг» в различных странах. В этом контексте речь идет об инвестировании в стрессоустойчивость государств и обществ, простирающихся до Центральной Азии на востоке и Центральной Африки на юге. Первая цель была представлена как технический вопрос, а не политический, и была рассмотрена в одном абзаце. Напротив, стрессоустойчивость демократий ЕС, а также других государств и обществ, исследуется более подробно в контексте экспорта модели развития и роста международного влияния ЕС как одного из факторов его стрессоустойчивости.

Что касается АСЕАН и ЕАЭС, то они, в отличие от ЕС, не могут полагаться на внешний ресурс. Их инструментарий обеспечения собственной стрессоустойчивости носит преимущественно внутренний характер. Оба многосторонних формата видят повышение собственной привлекательности, с точки зрения как притока инвестиций, так и благоприятных условий ведения коммерческой деятельности, как ключевой фактор развития стрессоустойчивости. Отметим и то обстоятельство, что для АСЕАН и ЕАЭС отдельной и исключительно сложной задачей является выстраивание отношений с Китаем в контексте развития его мироустроительного проекта Инициатива «Пояс и Путь». Вместе с тем, если для ЕАЭС фактор экономического давления имеет исключительно важный характер, и страны Союза объективными обстоятельствами подталкиваются к решению преимущественно внутренних задач, то перед Ассоциацией стоит иная задача: максимально интегрироваться в глобальные экономические процессы, создав для этого благоприятный политический и социокультурный контекст. С инструментальной точки зрения эта задача решается Ассоциацией посредством ее основного перспективного проекта – формирования Сообщества АСЕАН.

В общем и целом, с инструментальной точки зрения подходы ЕС, ЕАЭС и АСЕАН к понятию стрессоустойчивости существенно отличаются. В обозримой перспективе унифицировать их подходы едва ли удастся. Задача, скорее, состоит в другом: развивая нарратив о стрессоустойчивости определить направления, меры и механизмы координации перспективных планов таким образом, чтобы выгоду от нее получали все ее участники (в какой мере это возможно в современных реалиях – отдельный и исключительно важный вопрос).

Выводы

Рассмотрение феномена стрессоустойчивости применительно к целеполаганию и политике ЕС, АСЕАН и ЕАЭС подталкивает к ряду обобщающих оценок. Прежде всего, необходимо уточнить, чем стрессоустойчивость отличается от других явлений, прежде всего, на понятийном уровне. Например, чем стрессоустойчивость кардинально отличается от конкурентоспособности, продуктивности, адаптивности и прочих характеристик систем? Вопрос далеко не праздный: поскольку стрессоустойчивость является новым термином, необходимо точно определить его значение, дав ему надлежащее определение. Это – необходимый первый шаг для понимания того, какие меры, каким обра-

зом и в какой последовательности должны быть приняты для укрепления стрессоустойчивости именно как отдельного явления.

Приходится, однако, констатировать: для таких уточнений и обобщений пока недостаточно эмпирического материала. Более того, он может оказаться очень неоднородным, так как подходы одних региональных игроков кардинально отличаются от того, что взято на вооружение другими. Речь идет как об уровнях устойчивости (федеральном, региональном, межрегиональном, муниципальном, групповом, личностном), так и сферах общественной деятельности (экономической, социальной, политико-правовой, научно-технической, духовно-культурной, военной и иных).

В таких условиях опыт ЕС, АСЕАН и ЕАЭС оказывается источником необходимых эмпирических данных, осмысление которых не только даст импульс изучению этого явления, но и позволит применить результаты такого осмысления к политической практике для решения прикладных задач.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

СТРЕЛЬНИКОВА Ирина Александровна, кандидат юридических наук, доцент, научный сотрудник Департамента зарубежного регионоведения Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, Москва, Россия

Харина Ольга Александровна, кандидат политических наук, научный сотрудник, преподаватель Департамента зарубежного регионоведения Факультета мировой экономики и мировой политики, НИУ ВШЭ Москва, Россия

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 15.05.2023; одобрена после рецензирования 26.05.2023; принята к публикации 31.05.2023.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Irina A. STRELNIKOVA, PhD (Law), Associate Professor, Research Fellow, HSE University, Moscow, Russia

Olga A. KHARINA, PhD (Polit.), Research Fellow, HSE University, Moscow, Russia

Contributions of the authors: the authors contributed equality to this article. The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 15.05.2023; approved 26.05.2023; accepted to publication 31.05.2023.

¹ Korosteleva E.A. & Flockhart T. Resilience in EU and International Institutions: Redefining Local Ownership in a New Global Governance Agenda. *Contemporary Security Policy*. 2020. (41) 2. P. 153-175, DOI: 10.1080/13523260.2020.1723973

² Towards a More Resilient Europe Post-Coronavirus Options to Enhance the EU's Resilience to Structural Risks, EPRS European Parliamentary Research Service with the Directorates-General for Internal Policies (IPOL) and External Policies (EXPO). April 2021. doi:10.2861/675160

- ³ Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года. Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. 2017. URL: <https://docs.cntd.ru/document/555625953>
- ⁴ Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions Action Plan on Building a Capital Markets Union // Official website of the European Union. 2018. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legalcontent/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52015DC0468>
- ⁵ EU Resilience Compendium – Saving Lives and Livelihoods. European Commission. URL: https://ec.europa.eu/echo/files/policies/resilience/eu_resilience_compendium_en.pdf
- ⁶ Questions and Answers on the Adoption of the EU's Long-Term Budget for 2021-2027. European Commission. 2020. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/QANDA_20_2465
- ⁷ Sukegawa S. ASEAN's Initiatives for Free Trade in East Asia under AEC. *Journal of Contemporary East Asia Studies*. 2021. Vol. 10. Issue 1. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/24761028.2021.1902068>
- ⁸ См. Канаев Е.А., Федоренко Д.О. Сотрудничество стран мира в рамках региональной интеграции: опыт для ЕАЭС. Механизмы сотрудничества стран АСЕАН в транспортно-логистическом секторе. // Оценка интеграционных процессов ЕАЭС в сфере торговли 2023. Международный доклад НИУ ВШЭ. / рук. авт. колл. М.К.Глазатова. М.: НИУ ВШЭ, 2023. С. 232-256.
- ⁹ Growth of Infrastructure in Southeast Asia. South East Asia Iron and Steel Institute. April 28, 2023. URL: <https://www.seaisi.org/details/22812?type=news-rooms>
- ¹⁰ Подробнее см.: What is APTERR? ASEAN Plus Three Emergency Rice Reserve (APTERR) website. URL: <https://www.apterr.org/what-is-apterr>
- ¹¹ ASEAN Digital Masterplan 2025. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2021/09/ASEAN-Digital-Masterplan-EDITED.pdf>
- ¹² Кузьмина Е. 5 ключевых рисков Евразийского экономического союза. Евразия эксперт. 16 октября 2017. URL: <https://eurasia.expert/5-klyuchevykh-riskov-evraziyskogo-ekonomicheskogo-soyuza/>
- ¹³ Мясникович М. Насколько велика угроза долгосрочной стагнации после пандемии. РБК. 24 марта 2021. URL: https://www.rbc.ru/opinions/economics/24/03/2021/605996609a7947bce7b75b75?from=article_body
- ¹⁴ Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 9 сентября 2019 г. № 89 "О реализации проекта "Унифицированная система поиска "Работа без границ" // Информационно-правовой портал «Гарант». 15.10.2019. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72721730/>
- ¹⁵ Развитие евразийской интеграции. Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/vneshneekonomicheskaya_deyatelnost/razvitie_evraziyskoy_integracii/
- ¹⁶ Wagner W. & Anholt R. (2016). Resilience as the EU Global Strategy's New Leitmotif: Pragmatic, Problematic or Promising? *Contemporary Security Policy*, 37(3). P. 414-430. DOI:10.1080/13523260.2016.1228034
- ¹⁷ Wagner W. & Anholt R. (2016).
- ¹⁸ Tocci N. Framing the EU Global Strategy. A Stronger Europe in a Fragile World. Palgrave Macmillan, London. 2017. – 168 p.